

**КУЛЬТУРНОЕ
СОПРОТИВЛЕНИЕ**

ДМИТРИЙ ЗАХАРОВ

СРЕДНЯЯ ЭДДА

РОМАН

ИЗДАТЕЛЬСТВО

АСТ

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
З-38

Оформление переплета *Владимир Мачинский*

Захаров, Дмитрий Сергеевич.

З-38 Средняя Эдда : роман / Дмитрий Захаров. —
Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2019. — 349, [3] с. — (Актуальный роман).

ISBN 978-5-17-118456-8

Дмитрий Захаров родился в 1979 году в «закрытом» городе неподалеку от Красноярска. По образованию — журналист. Работал корреспондентом и редактором ИД «Коммерсантъ», руководил PR-подразделениями государственных и бизнес-структур. В 2015 году опубликовал первый роман-антиутопию — «Репродуктор».

В центре событий его нового романа «Средняя Эдда» — история появления «русского Бэнкси», уличного художника Хиропрактика (hp), рисующего цикл из 12 картин на стенах домов. У граффити всегда политический подтекст, их герои — видные государственные начальники, и после появления новой работы кто-то из ее персонажей непременно погибает...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-118456-8

© Захаров Д.С.
© ООО «Издательство АСТ»

Лене Макеенко

*За мной еще трое,
Страшней меня втрое.*

Валерий Петров

ЖИВАЯ

— Радуйся! — поет в трубке Слава. — Три на пять метров. Красотища!
— Где нашли? — говорю.

— На Парке Культуры, справа, если с кольца.

Думаю: ну понятно, цензоры. А он:

— Не, местные стуканули. Овечкин скачет уже, давай и ты на полусогнутых. Оп-оп-оп!

Снимаю с плеча рюкзак и безо всякого смысла его встряхиваю. Придется прямо с плавками и шапочкой — держать-то долго не будут. В прошлый раз чуть замешкался — и всё, амба. Два дня потом стену отскребали, но куда там — цензоры заблевали картину напрочь. Состав у них едкий, жирный, а вонючий — как мать дерьма: будто сдох кто или лаз в канализацию прорубили.

Рванул в сторону метро, попутно набирая командора наших боевиков. Говорю: надо всех оттереть, и чтобы твои успели раньше цензорской гопоты.

Чтобы не как обычно! Но всё без толку — конторские орки опять не добегут, стену замалюют, и останется только гадать, что́ на ней было. Наши опера умеют только вату катать со своими мутными гаишниками.

От метро — в четыре ноги. Через переход, в котором гнездо хищных бабок с ягодными корзинками, мимо воющей под магнитофон усатой ведьмы: «...в глаза мои суро-о-овые...», — мимо стеклянных музейных дверей — к простыне милицейской ширмы. Или выгородки. Или черт ее знает. У них есть название для этой раздвижной, срисованной из медицинских хорроров штуки, но я его так и не смог запомнить.

Ментовский лейтенант выдвинулся навстречу, набычивая физиономию. Обрюзгший, с болезненно румяными щечками. Наткнулся взглядом на протянутое удостоверение, но даже не сдал назад. Птеродактиль.

— Подожди-ка... — начал он, но я уже отодвинул стенку ширмы.

Не три на пять, конечно, но и черт с ними. Живая! Живая работа Хиропрактика!

Здесь остановимся. Теперь ведь нельзя впопыхах, правда же, Настя? Нельзя. Так что внимательно.

Основа граффити — синий составной трафарет. Многофигурный с мелкой детализацией. Сюжет — заседание суда. Перед присяжными три телеэкрана. На первом — мультяшный лось, на другом — тигр, на третьем — маленький мальчик. Показывают жи-

воты-улики с одинаковым отпечатком губ. Судья с собачьей башкой. Трое обвиняемых — на электрических стульях. «Часы судного дня» — обязательный для всего цикла атрибут в левом нижнем — стрелка уже на шести. Внизу же — фирменный знак Хиропрактика — хьюлетт-паккардовское «hp».

Срок — ну, может, несколько часов, краска еще кое-где влажная. Состояние... идеальное. Да-а-а... никогда еще в идеальном состоянии. Вообще никогда ни в каком состоянии, только на картинках.

Первое граффити — «Каток» — которое появилось на Котельнической, успели отснять с разных ракурсов. Видео долго висело на youtube — все, кому надо, нарезали.

А вот «Елку» — уже начали прятать. Роскомнадзор схлопывал публиковавшие картинку сайты, пошли массовые блокировки, случилась даже пара уголовных дел. Сейчас ее изучают по канадским серверам. Там вроде как зэки обустраивают для политбюро камеру к Новому году: ставят елку с курантами, рисуют на стене подводную лодку, вешают себе срамные бороды...

Ширма захрустела, и внутрь периметра протиснулся Сашка Овечкин. Цветастая шляпа, синие очки и переносной ЗРК фотоаппарата. Даже не сказал ничего, тут же принялся щелкать. Оно и правильно.

Заглянули два мента — молодые совсем, интересно им.

Спросил Сашку:

— Ты на видео панораму возьмешь?

— Ага, поучи-поучи, — огрызнулся тот, продолжая делать снимки.

Вышел за ненадобностью наружу. Никаких наших боевиков, конечно, нет. Но и цензоров тоже. Менты слушают рацию и тихо переговариваются.

— Во сколько вас вызвали? — интересуюсь у ближайшего.

— Во сколько надо! — тут же подлетает и чуть не клюет меня лейтенант. — Что надо потом на сайте повесят!

Ну конечно, ага.

— Спасибо, — говорю, — а в чем тут военная тайна?

Лейтенант — будто от вражеского дота — заслоняет собой молодняк.

— Хуйней занимаетесь, — поясняет он и с ненавистью смотрит в сторону остановившихся неподалеку прохожих.

Тут не поспоришь.

Выпил в ближайшей забегаловке стакан чая. Я обычно беру без добавок, но у них только с бергамотом. И маленькое дырявое весло вместо ложечки — никогда не мог понять, что это за выдумка. У нее должно быть второе и главное назначение. Чтобы, когда завоет сирена гражданской обороны, можно было схватить горсть этих вёсел и собрать щит и меч, пулеметную ленту, антенну для приема сообщений командования. Ты вот не думала, Настя?

— Может, хотите что-нибудь к чаю? — видимо, от скуки подала голос продавщица в грязном фартуке.

— Хочу, — зачем-то ответил я. — Сирена у вас есть? Такая знаете, гадкая, уи-уи-уи?!

Продавщица не удивилась. Просто вычеркнула меня из списка живых и устала в маленький телевизор, воткнутый под самым потолком. Почему он без звука только?

Сашка — похожий на маленького злого эльфа — появился минут через пять, удивлялся, что никто не схватил его за руку.

— Что-то они сегодня долго, — довольно объявил он, закуривая около входа в забегаловку.

— На совещании у наших шефов задержались, — предположил я.

— Не смешно, — скривился, как от кислоты, Сашка.

— Не смешно, — согласился я. — Но так ведь и не должно, дружище.

Слава стал у меня допытываться, на что похоже новое граффити. На тебя, говорю, похоже, такое же недоделанное. С ним про contemporary art всерьез нельзя — он на стене репродукцию Шилова держит.

Состроил рожу и показал мне «фак». Думает, это смешно. Думает — уел.

— Пока-пока, — говорю, — я в приемную к Асу.

Слава, конечно, балда-балдой, хоть и начальник информационного центра. Последний настоящий москвич, мажор, папа — бывший посольский. Нигде

по-настоящему не работал — его Ас сразу из институтского инкубатора к себе пересадил. Наши понаехавшие — то есть, в общем, остальная Конюшня — Славу аккуратно по всем этим пунктам прокатывают. И он в каждый очередной бросается доказывать, что не верблюд. Ну, и в общем, не верблюд, да. Просто балда. Правда ведь, Слава? Правда. Ты уже и обижаться на меня перестал.

Я вот, скажем, сектант «культсопра». Тут многие так думают, и сам Ас посмеивается. А это в наших делах — серьезно. Серьезнее чем. Почти заявка на списание. Можно быть голубым, педофилом или нюхать кокс, можно подмахивать великим вождям и по субботам ходить на физкультурные парады, но любить ту срань, которую препарировать... Хотя нет, это я через край, за парады Ас бы, наверное, выгнал, он опасается фанатиков. Всё равно. Если меня еще и не сдали чекистам, то это из-за того, что педофилы Асу пока без надобности, а перверты вроде меня могут и пригодиться.

Так что не переживай, Слава. Не переживай, старина, что мы бестактные свиньи, не знающие субординации. Это всё от тоски по признанию. От зависти, одним словом. Друг Овечкин мне так и говорит. Так что ты мне «фак», а я тебе — два, ты мне по морде, а я тебе — с колена. Ты мне объективку в мэрию, а я тебе — донос в следком. Думаешь, не сделаю? Не знаю. Наверное.

Стоило зайти на кухню — хлебнуть на бегу чаю, как Слава тут же меня и обскакал — первым пролез на прием к шефу. После аудиенции вывалился до-

вольный, посмотрел на свои «умные» часы (Слава, зачем тебе часы, которые умнее тебя?), подмигнул и заявил, что будет звонить в редакции — резервировать место под статьи. И то верно, Хиропрактик сам себя не заклеит.

Следом у Аса надолго засели интернетчики — похожие друг на друга, длинные, суетливые, в мятых пиджаках поверх ярких футболок. Я успел разбавить первый чай еще двумя чашками и утащить из конфетницы все вафли. Только после этого секретарша — сегодня та, что не выговаривает «р», — махнула рукой.

Ас сидел за столом, одновременно писал в почту, что-то смотрел на айпаде и слушал доклад оперов по громкой связи.

— Пошли их куда подальше, — говорил он радостно, — пока не отработают все темы, пусть даже не заикаются. Какой еще суд?!

Сегодня он лучезарный: уголок рта вверх, в глазах глубокая нежная издевка, в манжетах шитой белоснежной рубашки — гербовые запонки «Кингс Колледж». Либерал и просветитель.

— Ну и что? — спросил он, отрываясь от всех своих экранов и протягивая руку.

— Здравствуйте, Александр Сергеевич. На сей раз отлично.

Я стал подробно рассказывать ему о картине. Он, конечно, уже знал всё в деталях, но позволял повторить еще раз — как если бы сверял с ответами в учебнике. Фирменный прием: не только в перекрестном опросе, вообще. Думаю, наша Конюш-